

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Неизвестное прошлое

РАЗГРОМ ГЕНЕТИКИ

Ф.Х. КЕССИДИ

**Борьба двух направлений в советской биологии
послевоенного периода**

Помнится, мы, студенты философского факультета Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ) набора 1939 г., на одной из лекций академика Б.М. Завадского, читавшего курс дарвинизма, узнали о двух направлениях в советской биологии. Одно из них возглавлял Н.И. Вавилов (1887 – 1943), а другое – Т.Д. Лысенко (1898 – 1976). Мы узнали также, что немецкий ученый Вейсман, проводя опыты над мышами, доказал невозможность передачи по наследству приобретенных признаков. Б.М. Завадский напомнил и о том, что Т. Морган является одним из основоположников генетики, так же, как и австрийский монах Мендель.

В борьбе двух направлений в советской биологии Б.М. Завадский склонялся к позиции Н.И. Вавилова, но признавал ценность опытов Т.Д. Лысенко по яровизации, по превращению озимой пшеницы в яровую. Мало кто тогда предполагал, что названная борьба приобретет идеологический характер. Тем не менее летом 1940 г. поползли слухи об аресте всемирно известного ученого Николая Ивановича Вавилова (он погиб в 1943 г. в Саратовской тюрьме).

В послевоенный период эта борьба вспыхнула вновь. В моем архиве сохранилась (ныне мало кому известная) статья «Наши возражения академику Т.Д. Лысенко», опубликованная, если мне память не изменяет, осенью 1947 г. в «Литературной газете». (Статья сохранилась целиком, но

даты, к сожалению, стерты.) Она была подписана профессорами Московского государственного университета академиком И. Шмальгаузенем, А. Формозовым, Д. Сабининым, деканом биологического факультета С. Юдинцевым. Названные ученые указали на основной «постулат» концепции Т.Д. Лысенко, гласящий: «Никому еще не удалось и никогда не удастся ни самому видеть, ни другим показать в природе картину наиболее высокой конкуренции особей внутри вида», а также аналогичные категорические утверждения вроде: «Внутривидовой борьбы в природе нет, и нечего ее выдумывать».

Ежели это так, возразили названные авторы, то все дарвиновское учение о внутривидовой борьбе в растительном и животном мире переводится в разряд «точек зрения», не имеющих за собой ни ежедневно наблюдаемых фактов, ни обоснованной теории.

«Аргумент» Лысенко любопытен: «Зайца ест волк, но заяц зайца не ест, он ест траву...». Иначе говоря, Лысенко отвергает тот факт, что «поедание зайца волком — не конкуренция, а прямое истребление, т.е. отношение хищника и жертвы». Между тем, возразили авторы, нельзя оспорить «интенсивной конкуренции между зайцами из-за пищи, удобных убежищ и т.д.».

Не станем множить примеры, приводимые авторами в подтверждении существования внутривидовой борьбы, но подчеркнем идейно-политическую *квалификацию*, данную Лысенко своим оппонентам: «Внутривидовую конкуренцию еще и у нас признают некоторые биологи. Я отношу это к буржуазным пережиткам...». Лысенко «жестоко ошибается, — ответили авторы статьи, — считая, что признание внутривидовой борьбы относится только к отдельным ученым. Тысячи квалифицированных ученых... никогда не отказывались и не откажутся от этого важнейшего раздела великого учения Дарвина... Дарвинизм — передовое учение. Это признавали Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин». (Разумеется, в те времена ссылка на непререкаемые авторитеты считалась наиболее «весомым» аргументом. — Ф.К.). Но академик И.И. Шмальгаузен и его коллеги «жестоко ошибались», включив в число своих единомышленников товарища Сталина.

Однако все по порядку. Профессорско-преподавательский состав биофака МГУ им. М.В.Ломоносова развернул широкую кампанию против Лысенко. Они посещали даже наше общежитие (ул. Стромынка, 32), убеждая нас, студентов и аспирантов, в том, о чем нам было известно еще со средней школы, а именно: о наличии в природе внутривидовой борьбы, о «гороховых законах» Менделя, а также о невозможности наследования приобретенных признаков.

На первых порах полемика многим из нас казалась надуманной «причудой» ученых. Однако когда встал вопрос о согласовании одного из направлений с диалектическим материализмом (мировоззрением марксистско-ленинской партии, по определению Сталина), мы, что называется, «наострили уши».

Казалась бы, дарвиновское направление, признающее внутривидовую борьбу, вполне согласуется с «ядром» материалистической диалектики — законом о внутреннем единстве и борьбе противоположностей. Однако, говоря условно, во «внутривидовой борьбе» ученых неожиданную победу одержало направление, возглавляемое Лысенко. Его представители настаивали на идее «взаимопомощи» во внутренних отношениях растительного и животного мира. Эта победа в первую очередь предопределилась тем, что Сталин (негласно) принял сторону Лысенко, его «нового учения», названного «Мичуринской биологией» (по имени известного русского садовода И.В. Мичурина /1855 — 1935/). В связи с кампанией против «преклонения перед иностранщиной» И.В. Мичурин, не имея никакого отношения к концепции Т.Д. Лысенко, был, тем не менее, отнесен «к лику святых» от науки.

Судя по всему, З.Я. Белецкий, возглавлявший кафедру диалектического и исторического материализма МГУ, получил негласное указание «сверху» поддержать «новое учение» в биологии. Созванное Белецким заседание кафедры состоялось, насколько помню, в начале 1948 г. Для нас, аспирантов и преподавателей факультета, присутствовавших на нем, было довольно неожиданно, что Белецкий, окончивший медицинский факультет МГУ, принял сторону Лы-

сенко и его приверженцев, повторяющих идею Ламарка (1744 – 1829) о наследовании приобретенных признаков. Знаменателен и тот факт, что центральный орган ЦК ВКП(б) – газета «Правда», которая, как правило, не публиковала заседания Ученых советов высших учебных заведений, не говоря о заседании кафедр, поместила на своих страницах краткое сообщение о заседании кафедры диалектического и исторического материализма, одобрившей позицию Т.Д. Лысенко.

На эту заметку мало кто обратил внимание, за исключением самого Т.Д. Лысенко, для которого поддержка его позиции со стороны его ярых противников в МГУ была своеобразным сюрпризом. Спустя день после появления заметки в «Правде», Т.Д. Лысенко, возглавлявший ВАСХНИЛ (Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина), пригласил Белецкого в свою резиденцию и отправил за ним спецмашину.

Описанные перипетии в жизни МГУ, которые и в те годы были известны лишь узкому кругу специалистов, давно канули в Лету. О драматических же событиях сессии ВАСХНИЛ некоторые ученые напомнили в конце 80-х годов в связи с объявленными перестройкой и гласностью. Я имею в виду статью современника тех событий профессора В.[Я.] Александрова «Трудные годы советской биологии», опубликованную в журнале «Знание – сила» (1987, № 10).

Автор напоминает, что первоначально обстановка в борьбе двух направлений в биологии складывалась не в пользу Т.Д. Лысенко. Дело в том, что заведующий отделом науки ЦК ВКП(б) Юрий Андреевич Жданов (1919 – 2006), по образованию химик-органик, стал на сторону ученых, которые в своих многочисленных статьях разоблачали несостоятельность «изысканий» и порочность практической деятельности лысенковцев. Ю.А. Жданов решительно отверг тезис Лысенко о борьбе двух направлений в биологии – советской и буржуазной. Он справедливо заметил, что спор идет между научными школами внутри самой биологии, и ни одна из них не является буржуазной. Другими словами, Жданов оспорил «классовость» естествознания.

Чувствуя, что почва уходит из-под ног, Лысенко написал письмо Сталину и отцу Ю.А. Жданова (в то время зятя Сталина) — А.А. Жданову, члену Политбюро ЦК ВКП(б), второму лицу в иерархии власть имущих в стране.

Сессия ВАСХНИЛ

С «высочайшего соизволения» самого Сталина была назначена печально известная сессия ВАСХНИЛ. Она состоялась в августе 1948 г. Материалы сессии, точнее, ее итоги (победа «мичуринской биологии») стали широко рекламироваться СМИ. Научная общественность с неослабевающим вниманием следила, как могла, за выступлениями на сессии, которая началась с доклада Лысенко «О положении в биологической науке».

Основные идеи, выдвинутые докладчиком, сводились к следующему: учение Вейсмана ложно и реакционно. Верна лишь отстаиваемая им, Лысенко, «материалистическая теория живой природы», согласно которой приобретенные организмом в процессе жизнедеятельности признаки или свойства наследуются. Иначе говоря, воскрешалась давно отвергнутая наукой теория Ламарка: наследственность организма определяется усвоенными им условиями среды. Отсюда — так называемая вегетативная гибридизация, отвергающая хромосомную теорию Моргана и Менделя как «идеалистическое учение». (Оставалось загадкой: каким образом теория о хромосомах и генах в качестве материальных носителей наследственности является «идеалистической»?) В определенных условиях среды возможен скачкообразный переход из одного вида в другой: так, пшеница может породить рожь, овес, ячмень. Внутривидовой конкуренции нет, имеется лишь взаимопомощь. Тем самым отвергался дарвинизм, но это не смутило Лысенко и его приверженцев, которые называли свое «новое учение» развитием дарвинизма на базе «мичуринского учения».

С критикой доклада выступили Б.М. Завадовский, И.А. Рапопорт, С.И. Алиханян и некоторые другие. На всех них впоследствии был навешен ярлык сторонников «буржуазного», «расистского», «реакционного» учения Вейсмана — Менделя — Моргана. Когда же Лысенко сообщил, что

его доклад одобрен ЦК ВКП(б) (на деле лично Сталиным), «мичуринская биология» приобрела характер партийно-политической платформы, неприятие которой стало опасным. Профессор В. [Я.] Александров в статье, упомянутой выше, отмечает, что особенно трудным стало положение членов партии, так отрицание лысенковских догм оказалось несовместимым с пребыванием в рядах ВКП(б). Неудивительно поэтому, продолжает автор, что после заседания трое оппозиционеров — Жуковский, Алиханян, Поляков — выступили с покаянными заявлениями¹. Более того, в августе 1948 г. в газете «Правда» было помещено письмо Ю.А. Жданова Сталину, где тот каялся в том, что по своей «неопытности и незрелости» подверг критике Лысенко, обещал исправиться и стать твердым приверженцем «мичуринского учения». Ну, ежели сам зять Сталина покаялся, то об остальных антилысенковцах и говорить нечего.

Приглашенный осенью 1948 г. на философский факультет МГУ, Т.Д. Лысенко выступил с докладом, знакомя студентов, аспирантов и профессорско-преподавательский состав с «новым учением» — «мичуринской биологией». В принципе ничего нового в сравнении с сессией ВАСХНИЛ мы не услышали. Однако меня (и, надо полагать не только меня) озадачил суконный язык оратора, который к тому же внешне больше походил на рядового сельского агронома, чем на маститого ученого. Еще более нас поразил тот факт, что Лысенко, столь рьяно ратовавший за разделение биологии на «советскую» и «буржуазную», не был членом партии. Тем не менее с санкции Сталина он удостоился поста председателя ВАСХНИЛ.

Лысенко очень уверенно говорил о преобразовании (при определенных условиях, каких, не помню) озимой пшеницы в яровую, а также о возможности пшеницы породить рожь и даже овес и ячмень. Аудитория (в том числе и автор этих строк), некомпетентная в агрономии и агротехнике, отнеслась к заверениям президента ВАСХНИЛ одобрительно. Впрочем, возвращаясь в общежитие, мы (с Калацким и Кочетковым), будучи выходцами из крестьян, испытывали некоторую неловкость. Мы помнили случаи, когда наши отцы сеяли пшеницу или ячмень и если часть зе-

рен высыпалась кучкой, впоследствии стебли и колосья вырастали слабыми, неполноценными. «Взаимопомощь» при этом, разумеется, не наблюдалась.

И еще: мы соглашались с тем, что скачкообразный переход из одного вида в другой, возможный в растительном мире, нельзя переносить на высшие организмы, будь то птицы, коровы или овцы. Мы не решались поставить под сомнение опыты Лысенко и его школы, столь убедительно демонстрировавшие свои «достижения». Например, на нас (и не только на нас) производили большое впечатление снопы ветвистой пшеницы, фотографии которых печатались в газетах и журналах.

Спустя примерно столетия широкой общественности стало известно, что столь усиленно рекламируемая ветвистая пшеница, названная кахетинской, получена из Грузии. Хотя эта культура впечатляла своими крупными колосьями (в колосе насчитывалось до сотни зерен), вырастали они «при сильно разрозненных посевах. Эта известная еще в Древнем Египте пшеница имела низкий урожай, плохой иммунитет и давала муку с низким содержанием белка»².

Оргвыводы сессии ВАСХНИЛ были разгромными. Почти весь профессорско-преподавательский состав биологического факультета МГУ был заменен лысенковцами. Пострадали и аспиранты факультета. Им было предложено поменять темы диссертаций. Декан биофака С. Юдинцев был освобожден от занимаемой должности. Его место занял И. Презент, которого я и мои друзья называли «идеологическим оруженосцем» Лысенко.

По словам В. Александрова, «в построении лысенковской системы большую роль сыграл И.И. Презент. С 1934 года он состоял при Лысенко в качестве ведущего советника по созданию мичуринской биологии и по уничтожению ее врагов. Презент не имел биологического образования (он окончил в 1926 г. факультет общественных наук Ленинградского университета), но зато был изощренным демагогом, острословом; борясь с оппонентами, злобно издевался над ними, не гнушаясь никакими аморальными приемами»³.

Помню, меня и еще нескольких человек с философского факультета направили на какую-то конференцию МГУ. Здесь новоиспеченный декан биофака И. Презент высказал свое недовольство, почти негодование, в адрес редакции студенческой газеты МГУ, которая де не сообщила своим читателям о том, что он, Презент, был направлен на факультет по решению ЦК ВКП(б). Честолюбивый декан (сразу не приглянувшийся мне) одновременно читал лекции по дарвинизму (в духе «мичуринской биологии») аж в трех университетах: Московском, Ленинградском и Киевском. На должности декана биофака Презент продержался около двух лет.

Кратко о разгроме цитологии

Цитология – наука о строении, развитии и функциях животных и растительных клеток. Разгром цитологии (в сущности также гистологии и микробиологии) связан с «теорией» Ольги Борисовны Лепешинской о «происхождении клеток из живого вещества». О.Б. Лепешинская отвергла концепцию выдающегося немецкого патолога Вирхова, согласно которому клетка возникает из клетки же. «Теория» Лепешинской о возникновении клетки из бесструктурного живого вещества пришлось, так сказать, по душе Т.Д. Лысенко. Он написал предисловие к вышедшей в 1950 г. вторым изданием книге Лепешинской. Книга последней удостоилась Сталинской премии первой степени. Непризнание теории Лепешинской стало делом рискованным. По словам члена-корреспондента АН СССР Ю.И. Полянского, «отказ признать Лепешинскую был равносителен уходу с работы. И многие наши ученые были вынуждены «признать» «великое достижение» Ольги Борисовны. Я далек от мысли осуждать их за это, ибо обстановка была поистине устрашающей»⁴.

Как и следовало ожидать, монополия в науке, принудительное единомыслие, навязанное Сталинским режимом, привели к катастрофическим последствиям. Или, как вспоминает И.А. Рапопорт, «генетика и цитология исчезли из науки, из сельского хозяйства, из медицины, из высшей и средней школы. Целое поколение о них вовсе не знало, а

последующие не освободились от недоверия к науке о наследственности. Было потеряно много крупных специалистов. До сессии [ВАСХНИЛ. — Ф.К.] генетика нашей страны занимала видное место в мировой науке»⁵.

Причины победы неоламаркизма под именем «мичуринской биологии»

Поставленный вопрос требует самостоятельного исследования. К сожалению, он мало изучен советскими и постсоветскими биологами, историками науки и философами. Можно лишь сказать, что относительно победы неоламаркизма Лысенко, а также разгрома генетики и цитологии были высказаны разного рода предположения.

Вот некоторые из них. Из статьи Максима Орышака «Как Трофим Лысенко обманул Сталина», опубликованной в популярном еженедельнике «Аргументы и факты» (2001, № 49. С. 15) мы узнаем, что в 1948 г. Лысенко, почуяв, что судьба возглавляемых им «мичуринцев» висит на волоске, сделал сильнейший ход: «Сталину принесли новый сорт пшеницы, в которой можно было насчитать до ста зерен... Могучий тугой колос положили рядом с обычными колосками: блистательный эффект, не купиться на который было нельзя». К тому же Лысенко «обещал поднять урожайность в 4 — 5 раз, вывести за два года новые сорта пшеницы, новые породы скота с суперпроизводительностью».

Добавим, что на съезде ударников сельского хозяйства, проходившем в Москве в 1935 г., Лысенко удостоился похвалы Сталина. И не случайно. Дело в том, что Сталин, как и Лысенко, разделял идеи Ламарка⁶. Эта приверженность Сталина подтверждается его ответным письмом от 31 октября 1947 г. на докладную записку Лысенко. Помимо прочего, Сталин пишет: «Что касается теоретических установок, то я считаю, что мичуринская установка является *единственно* (курс. мой. — Ф.К.) научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину»⁷.

Ежели вейсманисты (сторонники классической генетики) не заслуживают внимания, то его не заслуживает и уче-

ный-генетик с мировым именем — Николай Иванович Вавилов, оспаривающий возможность наследований приобретенных организмом признаков. Только сегодня стало известно об аудиенции, данной Сталиным Н.И. Вавилову 20 ноября 1939 г. «Прием был назначен на десять часов вечера, но пустили его (Вавилова) в кабинет Сталина только в час ночи. Сталин ходил по кабинету с трубкой в руке. Вавилов поздоровался: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!» Сталин на приветствие не ответил, сказал ему: «Ну что, гражданин Вавилов, и дальше будете заниматься цветочками-колосочками? А когда будете помогать поднимать урожайность? Вавилов начал объяснять ему, чем занимаются его институты, какие результаты должны быть получены в ближайшем будущем и в перспективе. Вавилов стоял, Сталин ходил, и было видно, что ему все безразлично. Когда Вавилов кончил, Сталин сказал одно: «Вы свободны». Но быть на свободе ему оставалось меньше десяти месяцев»⁸.

Итак, главная причина (или одна из главных причин) победы «мичуринской биологии» — это поддержка Сталиным Лысенко. Другая причина — это общественное мнение, которое придерживалось убеждения об изменении организмов с изменениями условий жизни. Изменение среды и воспитание — понятия, вполне доступные широкой общественности, чего нельзя сказать о таких «мудреных вещах», как хромосома, дрозофила или мутация. Или, как пишет член-корреспондент АН СССР Ю.И. Полянский, «нужно сказать, что «идеи» Лысенко, к сожалению, довольно глубоко проникли в массы советских людей. Ведь нет ничего проще, чем утверждать, что организмы «усваивают» условия жизни и меняются соответственно этим условиям и что подобным образом, меняя условия, можно в кратчайший срок изменить наследственную природу организма... Ведь все это гораздо проще, чем изучать генетику, цитологию и т.д.»⁹.

Добавим, что отставание советской экономики, и прежде всего сельского хозяйства, от развитых капиталистических стран требовало в кратчайший срок поднять урожайность зерновых культур, а также племенного животноводства. Как мы знаем, Лысенко обещал решить эту задачу за два-три года. Советские же генетики (пресловутые «вейс-

манисты-морганисты») такого обещания дать не могли, чем и объясняется их поражение, вынесение, так сказать, смертного приговора.

Вообще говоря, победа Лысенко и его приверженцев вполне закономерна. Дело в том, что советская идеология, рассматривая человека сугубо как продукт общественных отношений, с неизбежностью приходила к выводу, что изменившиеся социальные отношения и способы воспитания всецело изменяют природу человека. Отсюда следует, что создание новых условий жизни создаст нового человека¹⁰. Ежели за короткое время (в ближайшие 20 лет) Программа КПСС обещала воспитать нового человека, то создание новых сортов пшеницы необычайной урожайности представлялось делом бесспорным.

В описываемый период имели место также дискуссии по физиологии и психологии (которая, на мой взгляд, была сведена к физиологии) по критике теории резонанса в химии. Велся схоластический спор об адекватном изображении (или выражении) формулы бензола и т.п. Попытка же устроить дискуссию по физике с целью опорочить выдающихся советских физиков, сорвалась.

Вдохновившись разгромом генетики, молодые так называемые марксисты-физики решили обвинить академиков в области физики (в частности Тамма) в махизме. Однако в защиту ученых встал президент АН СССР Сергей Иванович Вавилов (родной брат убиенного Николая Ивановича). Он предупредил Сталина, что невежественная критика квантовой и ядерной физики помешает созданию атомной бомбы. Понятно, что Сталин поддержал С.И.Вавилова. Как-никак, а атомная бомба — нечто более серьезное, чем яровизация. Тот факт, что академик С.И.Вавилов обращался к Сталину, был мало кому известен.

Поговаривали об эпизоде, происшедшем на физфаке МГУ. Так, знакомый аспирант-физик Юрий Горохов, которого мы любовно называли Сисего (от лат. «горох»), рассказал следующее. На приеме у Сталина ректор МГУ пожаловался, что успешному исследованию в области ядерной физики мешают новоявленные марксисты-физики, которые шельмуют крупных ученых, обвиняя их в неких идеологи-

ческих грехах. По слухам, Сталин предложил ректору издать приказ об отчислении «радетелей» марксизма-ленинизма из университета. Прослышав о рекомендации грозного «отца народов», последние срочно созвали партийное собрание, где покаялись в необоснованных обвинениях. Забавы ради я спросил у Сисего, не было ли на этом партсобрании самобичевания по типу шахсей-вахсей¹¹? Выяснив, что это значит, Горохов согласился, что именно нечто подобное и должно было иметь место. Кто-то из нас бросил: «Ребята, в нашей стране не соскучишься».

Из вышеизложенного может сложиться впечатление, что в современном общественном мнении неоламаркизм как разновидность просветительской традиции давно преодолен. И по сей день, следуя просветительской традиции, широкие слои общества полагают, что человек — это своего рода *tabula rasa*, что он лишен каких бы то ни было врожденных задатков или склонностей. Поэтому предполагается, что путем создания новых условий жизни и воспитания вполне возможно создать нового человека, более того, возможна массовая переделка природы людей. К примеру, вполне возможна массовая адаптация иммигрантов к новым социальным условиям, независимо от их генетических особенностей, психологии и менталитета, конфессиональной принадлежности и национального или расового происхождения.

Однако, если генетика — наука о законах наследственности и изменчивости организмов, то незачем приписывать ей, как это делали приверженцы «передовой мичуринской биологии», «классовость» или же навешивать на нее ярлыки «расизма» или «фашизма». Генетика объективно указывает на истинное положение вещей, независимо от того, нравится это кому-то или нет.

Примечания

¹¹ По словам Александрова, среди покаявшихся были недавние фронтовики, проявившие в боях стойкость и мужество, однако «храбрость на войне и в мирной жизни, видимо, качественно различны, и не всегда оба вида сочетаются в одном человеке. Кроме того, человек, в отличие от кошки, существо сугубо кооперативное. Он коллективно гораздо легче творит добро и зло. Коллективно совершенный проступок меньше отягощает совесть, как

бы разделяя ответственность между всеми участниками» (Александров В. Трудные годы советской биологии // Знание – сила. 1987. № 10. С. 77).

В целом соглашаясь с Александровым, хотелось бы добавить, что зловещая обстановка Страх, созданная сталинским режимом в мирное время, была сильнее страха на войне, где люди погибали смертью храбрых, а в сталинских застенках – с презренным клеймом «враг народа». Общеизвестно, что Сталин убивал противников его режима сначала морально, а затем физически.

²Медведев Ж. Лить воду на мельницу жербаков... [А.П. Жербаков – президент Академии наук Белорусской ССР, идейный противник Лысенко. – Ф.К.]. Лысенко и Сталин. К 50-летию печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 года // Литературная газета. 15 июля 1998 г. № 29 (5708). С. 3.

³Александров В. Цит. соч. С. 74.

⁴Судьбы генетики в нашем отечестве // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе / Сост. Ю.П. Сенокосов. М., 1989. С. 409.

⁵Там же. С. 418.

⁶Мы солидарны с Максимом Орышаком в том, что идеи Ламарка вполне соответствовали «постулатам советской пропаганды, заявлявшей о воспитании «нового человека», и о том, что данный процесс возможен в рамках одного-двух поколений».

⁷Вавилов Ю. Как приговорили генетику // Поиск. № 30 (470 – 480). 11 – 24 июля 1998 г. С. 12.

⁸Суровая драма народа. С. 411 – 412.

⁹Там же. С. 405.

¹⁰Если верить Ю. Арбатову (не путать с академиком Г.А. Арбатовым), то «опыт социализма» в СССР «доказал», что «массовая переделка «природы человека» – дело вполне осуществимое, если оно опирается не на благие пожелания, а на реальные возможности, создаваемые изменениями в обществ[енном] бытии, причем эта переделка может быть *серьезно ускорена* воспитат[ельной] работой, осуществляемой под руководством *передовых общественных сил*» (Арбатов Ю. Коммунизм // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 19. Курсив мой. – Ф.К.).

¹¹Самобичевание мусульман-шейтов.